

Николай Чернышевский

ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРУ II

T8 RUGRAM

УДК 82-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч49

Чернышевский, Н.

Ч49 Письма Александру II / Н. Чернышевский. — М. : Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2018. — 120 с.

ISBN 978-5-521-76640-6

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) — русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

«Письма Александру II» — сборник писем, адресованных царю Александру II, но не отправленных автором напрямую, а опубликованных им в качестве статей в различных журналах того времени, в связи с чем Чернышевский именовал их «письмами без адреса» (не нуждающимися в указании адресата). Чернышевский открыто высказывается о крестьянской реформе 1861 года, не скрывает своих взглядов на взаимоотношения народа и власти и предсказывает революционный переворот в России. Книга является ценнейшим источником для изучения философских идей, исторических взглядов, жизненных идеалов и убеждений великого русского философа и революционера-демократа XIX века.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76640-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Содержание

Письма Александру II	
Письмо первое	5
Письмо второе	13
Письмо третье	21
Письмо четвертое	29
Письмо пятое	49
Приложение	54
О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала	59

ПИСЬМО ПЕРВОЕ¹

С.-Петербург, 5 февраля

Милостивый государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас и не от вас должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хоть и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы этот судья мог произносить со знанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни. К сожалению, этого нет. Вас он знает по имени, но, будучи совершенно чужд вашего круга понятий и вашей обстановки, решительно не знает ни ваших мыслей, ни причин, руководящих вашими действиями; а нас он не знает даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь,

¹ Датировка писем приурочена к годовщине «Положения 19 февраля 1861 г.» (первое письмо датируется 5 февраля; пятое – 16 февраля). Гипотетически возможные, хотя признающиеся Чернышевским вряд ли реальными, «дальнейшие беседы» с неназванным адресатом могут быть осуществлены уже по ту сторону 19 февраля, то есть в иной временной и проблемной плоскости развития исторического процесса.

что такое положение дел фальшиво. Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них, — это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы. Думаешь, что какое-нибудь дело принесет пользу, — и видишь, что оно остается неисполненным по недостатку сочувствия в людях, для которых предпринято. Вы испытывали это при каждом хорошем вашем деле. То же очень часто испытывали и мы. Это печалит и под конец сердит. Становишься мнителен и раздражителен. Не имеешь духа объяснить свою неудачу настоящею ее причиною — недостатком общности в понятиях между собою и людьми, для которых работаешь; признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успех всего того образа действий, которому следуешь; не хочешь признать эту настоящую причину и стараешься найти для неуспеха мелочные объяснения в маловажных, случайных обстоятельствах, изменить которые легче, чем переменить свой образ действий. Таким образом, вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач! Тогда задача разрешилась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела. Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному. Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о <его> пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?

Вы говорите народу: ты должен идти вот как; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРУ II

дремлют, а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уж раздаются призывы к народу, чтобы он шел так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывов, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков, — народ пошел, выручил и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, — он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Такую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних¹.

Виноваты ли в этом недоверии народа вы или мы, нынешние люди? Нынешнее расположение народных мыслей устроилось долгим ходом событий, бывших раньше вас и нас. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для вас и <для> нас. Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выхо-

¹ Здесь автор обличает корыстную внешнюю политику российского самодержавного государства в отношении народных масс (крестьянства) — политику, не приведшую, как можно было бы ожидать, к освобождению крестьянства — казалось бы, естественной компенсации правительства за эксплуатацию сил народа.

дило что-нибудь действительно полезное для него. Мы все, отделяющие себя от народа какими-нибудь именами, — именем ли власти, именем ли того или другого привилегированного сословия, — мы все, предполагающие у себя какие-нибудь особенные интересы различные от предметов народного желания, — интересы ли дипломатического и военного могущества, или интересы распоряжения внутренними делами, или интересы личного нашего богатства, или интересы просвещения, — мы все смутно чувствуем, какая развязка вытекает из этого расположения народных мыслей. Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки¹. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со

¹ *Ожидаемая развязка* — народная крестьянская революция, приурочиваемая Чернышевским и его единомышленниками не ранее, чем к весне 1863 г. Чернышевский считал, что в начале 1862 г., когда и писались «Письма без адреса», народ еще не готов к революции — ни сознанием, ни практически. Отсюда упреки в апатичности, невежественности, грубых предрассудках и слепой ненависти народа, не организованного и не просвещенного профессиональными революционерами для сознательной, целеустремленной борьбы, для созидания, а не разрушения цивилизации.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРУ II

всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.

Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу¹.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и <для> нас.

Делая это, я понимаю, что делаю.

Я изменяю народу².

Изменяю потому, что руководясь личными опасениями за вещь более драгоценную для меня, нежели для народа, — за просвещение, я уже не думаю о том, полезна ли для народа забота о разрешении запутанностей по-

¹ Эта дилемма — отнюдь не простой подцензурный прием. Хотя Чернышевский и его соратники вовсе не «ужасались» перспективами зреющей народной революции, революционеров-демократов страшила возможность стихийного, неуправляемого, безыдейного, а потому слепого в своей разрушительности и бессмысленного восстания народа, которое, будучи не подготовленным и не спланированным, может обернуться против передовых идеалов общественного устройства, исповедуемых революционерами-демократами, и обречь себя на неминуемое поражение.

² *Я изменяю народу.* Измена, разумеется, мнимая (хотя и должна, по замыслу автора, казаться гипотетическому адресату посланий, цензуре, да и большинству читателей «Писем» неким вынужденным, в силу сложившейся исторической ситуации, компромиссом — между революционерами и реформистами).

ложения русской нации вашими и нашими усилиями, а, напротив, не выиграл ли бы народ чрез независимое от нас занятие национальными делами больше, чем от продолжения наших хлопот о нем. В этом случае, для своей выгоды, я подавляю в себе убеждение, что ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам. Да, я изменяю своему убеждению и своему народу; это низко. Но мы принуждены были делать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для нас не значит.

А я предчувствую, что она будет совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цель, для которой изменяю я народу. Никто не в силах изменить хода событий. Одни хотели бы, но не имеют средств; у других есть средства, но не может быть желания.

Из-за чего же я становлюсь изменником народу, когда сам знаю, что не помогу ни вам, ни себе? Не лучше ли продолжать молчание? Да, было бы лучше; но презренная писательская привычка надеяться на силу слова отуманивает меня. Я не в состоянии держаться на точке зрения житейского благоразумия, с которой очень ясно вижу, что всякие объяснения напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбивает с толку обыкновенная наша писательская мысль: «Ах, если бы можно было объяснить дело! оно уладилось бы». Поэтому я и молчал более двух лет¹ только оттого, что не имел возможности бить воздух словами,

¹ Речь о том, что Чернышевский в силу цензурных запретов в 1860—1861 гг. не выступал со статьями, специально посвященными крестьянскому вопросу. В 1862 г. было официально разрешено обсуждение в печати пореформенных поземельных отношений, а также политических и гражданских реформ.